

ТВОРЧЕСТВО КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРА КАК ТВОРЧЕСТВО: КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Можейко М. А.,

заведующая кафедрой философии Белорусского государственного университета культуры и искусств,
доктор философских наук, профессор

Современные концепции нелинейных динамик (прежде всего — синергетика) рассматривают неравновесные среды, обладающие внутренним потенциалом самоорганизации [2], который проявляется в нелинейном разворачивании веера возможных путей эволюции [4].

Методология нелинейного моделирования обретает актуальность и в современной культурологии, позволяя выявить креативный потенциал неравновесной культурной среды.

Последняя может приходиться в неравновесное состояние вследствие изменений параметров ее развития, которые могут быть как внутренними, так и внешними. Среди факторов, вызывающих нарушение аксиологического равновесия культурной среды, одним из важнейших выступает фактор взаимодействия культурных традиций.

В стабильном и равновесном своем состоянии культурное пространство может рассматриваться как аксиологически центрированное определенной совокупностью тех аксиологических иерархий и интерпретационных матриц, которые рассматриваются в данной культурной традиции как нормативные. Подобный «центр» культурного пространства может быть условно обозначен как своего рода «ортодоксия», если иметь в виду не только конфессиональный, но и собственно этимологический смысл понятия «ортодоксия» (греч. *ortos* — правильный, *doxa* — мнение).

В своем становлении каждая ортодоксия проходит следующие этапы:

- содержательное становление концепции;
- оформление вокруг концептуального ядра будущей ортодоксии пояса культурных поведенческих программ, фиксирующих ее предпочтительный по отношению к другим концептуальным системам статус;
- конституирование соответствующей системы в качестве собственно ортодоксии, что предполагает официальное санкционирование ее со стороны внеконцептуальных структур (государство, церковь и др.) посредством придания ей статуса единственно легитимной интерпретационной стратегии в соответствующей предметной области.

Оформившаяся ортодоксия исключает релятивизм трактовки и в перспективе имеет тенденцию к трансмутации от концепции, организованной в форме проблемного знания, к «учению», замкнутому догматическому кодексу, тяготеющему при аппликации на массовое сознание к катехическим жанрам бытия в культуре (при неизбежной редукции его содержания с течением времени). В центрированном своем состоянии культурная традиция обеспечивает стабильность аксиологических и интерпретационных матриц, что позволяет индивидуальному сознанию функционировать на основе устоявшихся мировоззренческих универсалий (интегральных представлений о мире, человеке и месте человека в мире, к которым относятся представления о том, что есть мир, Бог, причинность, пространство и время, человек, государство, счастье, смысл жизни, честь, любовь, познание, истина и т.п.), не подвергая их ни сомнению, ни даже рефлексивному осмыслению.

В ситуации неравновесности культурная среда характеризуется утратой жестких аксиологических ориентиров: константная (центрированная вокруг «ортодоксии») макроструктура культурной среды, проявляя все признаки интенции к самоконсервации, тем не менее, утрачивает свои приоритетные позиции: ценностные шкалы теряют безусловность, а культурный «центр» (ортодоксия) — потенциал мировоззренческого доминирования.

В подобной ситуации культура утрачивает жесткую дифференциацию своих феноменов на ортодоксальные и аксиологически периферийные, — культурная среда обретает свойства аксиологической децентрированности и аструктурности, характеризуясь актуализацией и реализацией своего творческого потенциала. Практически это означает, что она открыта для нового структурирования, оформления новых культурных приоритетов (в перспективе — доминирующих ортодоксальных «центров»).

• Это со всей очевидностью обнаруживает себя на уровне мировоззренческих универсалий: в рамках культурной традиции оформляется несколько вариантов содержания одной и той же универсалии (например, различные интерпретации природы в русской культуре XIX в. или трактовки любви в культуре средневековья). На этой основе конституируются мыслительные структуры, которые могут быть оценены в качестве семантически альтернативных и аксиологически несовместимых друг с другом, — мировоззренческая среда приходит в состояние достигнутого хаоса. Категориальный строй таких культур являет собой типичный случай неравновесной среды. В этом случае флуктуации на микро- (единичном, индивидуальном) уровне не изглаживаются, ибо в культуре нарушены системы стабилизации, а дают начало новым версиям структурирования культурной среды.

Ярким примером может служить оформление платоновской концепции любви и красоты, предполагающей аксиологическую дифференциацию Афродиты Урании и Афродиты Пандемос: в контексте стабильной культуры античной классики эта концепция практически не повлияла на представления греческих о любви: фабулы античных романов (Гелиодор, Лонг, Харитон и др.) организуются вокруг внешних препятствий, разделяющих влюбленных героев, и не фиксируют коллизий, связанных с различной интерпретацией ими природы любви; Лукиан, чьи герои клянутся «обеими богинями», эксплицитно фиксирует отсутствие различий между любовью земной и любовью небесной для мышления повседневности. Между тем при утрате культурой стабильного состояния (в поздней античности) актуализация неоплатонической версии указанной дифференциации оказывается той точкой центрации, вокруг которой складывается христианская мораль, акцентирующая агапе и сторге при негации филии и зрота.

В данном контексте взаимодействие культурных традиций не может быть артикулировано как традиционно понятый диалог, то есть взаимодействие стабильных систем с определенным содержанием и четко заданными аксиологическими шкалами. Соответственно, механизм взаимодействия культурных традиций не может быть описан ни как превалирование одной из них, ни как их суммативный содержательный синтез. Это связано с тем, что «встреча» в духовном пространстве той или иной культуры различных традиций сопровождается таким феноменом, как своего рода утрата культурой языка: по отношению к каждой из традиций другая — вне языка, ибо не может быть ассимилирована посредством чуждых ее содержанию понятийных средств. Такая ситуация сохраняется до тех пор, пока не будет сформирован метаязык, способный служить средством выражения всех взаимодействующих семанто-аксиологических рядов, т. е. охватывающий все версифицированное культурное пространство «встречи».

В структурном отношении каждая культурная традиция может быть рассмотрена как текст (представляющий определенный язык), а новая формирующая ортодоксия — как мета-язык, обладающий потенциалом «прочтения» этих текстов, то есть задающий их семантическую и, соответственно, аксиологическую интерпретацию. Как отмечено Ю. М. Лотманом, можно говорить о том, что не только язык порождает тексты, но и разнородные тексты, взятые в их соприкосновении, обладают креативным потенциалом по отношению к языку [1: 129–133].

Между тем сам факт прихода культурных традиций во взаимодействие является сугубо внешним по отношению к их имманентному содержанию и может быть рассмотрен как случайная флуктуация в их динамике. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с тем, что в синергетической терминологии обозначается как «порядок через флуктуацию». Неравновесность культурной среды оказывается источником формирования новых языков, семантических систем и аксиологических шкал, открывая тем самым новые эволюционные перспективы рассматриваемой культурной среды, равно как и перспективы новых кросс-культурных взаимодействий.

Формирование новой ортодоксии в данном случае не выступает в качестве изначально целоположенного процесса, но представляет собой продукт самоорганизации культурной среды, предполагающей моменты бифуркационного ветвления, версифицирующего перспективы ее эволюции. Применительно к неравновесной культурной среде это означает, что в ее контексте формируются основы различных вариантов нового интерпретационно-семантического «центра», каждый из которых представляет собой попытку создания метаязыка по отношению к пришедшим во взаимодействие традициям. Это оказывается фактором активизации выработки новых версий мироинтерпретации (возникновение христианства на основе античной рациональности и ближневосточного теизма;

расцвет куртуазной культуры как продукта взаимодействия христианско-европейской и мусульманско-арабской традиций и т.п.).

Следует отметить, что ситуация взаимодействия традиций может рассматриваться как динамическая лишь до того момента, как будет конституирован новый культурный центр (ортодоксия), то есть до формирования универсального и унифицированного языка культуры, в семиотическом пространстве которого осуществляется принудительная реинтерпретация всего, что выходит за рамки санкционированной этим языком легитимной аксиологической нормы. Но на эксплицитном уровне, когда язык новой ортодоксии уже сформирован, ситуация рефлексивно моделируется таким образом, будто один аксиологический центр заменяется другим. Последний рассматривается в соответствии с характерной для данной культуры базовой ценностной шкалой: в культурах, ориентированных на новацию (типа новоевропейской), — в качестве новационного, а в культурах, ориентированных на консервацию (типа древневосточной), — в качестве традиционного. Обретя статус ортодоксии, новый аксиологический центр создает своего рода мифологическую историю своего становления, в рамках которой имевшие место альтернативы ретроспективно подвергаются интерпретационному дискредитированию как семантически некорректные («еретические», «лженаучные» и т.п.). Примером может служить миф о смене язычества христианством, в то время как реальное средневековое христианство было пронизано языческими реминисценциями (подобно тому, как культура социализма — так называемыми «пережитками»).

Объективно процесс становления новой ортодоксии реализуется, как правило, в качестве поливариантного: одновременно возникает несколько конкурирующих версий центрации культурной среды, претендующих на статус ортодоксальных. Подобная ситуация выступает как точка бифуркации в динамике культуры, версифицирующая ее эволюционные перспективы, что предполагает своего рода «выбор» культурой пути развития (многочисленные программы реорганизации церковной практики, предшествующие францисканству — от катаров до Дольчино; столыпинская, конституционно-демократическая, социал-демократическая, анархистская и др. социально-политические программы развития России начала XX в.; плюрализм эстетических парадигм при переходе от классики к модерну и т.п.).

Речь идет, таким образом, не о выборе культурой предпочтительной программы из исходно пришедших во взаимодействие, а о выборе в рамках интерпретационного поля, задающего ряд новых культурных программ, позволяющих тем или иным путем разрешить ситуацию мировоззренческого хаоса. Так, конфликтное столкновение в рамках средневековой теологии аристотелизма, ориентированного на схоластический дедуктивизм, и неоплатонического августинизма, тяготеющего к мистическому богопознанию, разрешается посредством оформления томизма, ни содержательно, ни аксиологически не аддитивного по отношению к ним.

Иными словами, кросс-культурный процесс реализует себя не как диалог вступивших во взаимодействие традиций, а как полилог возникших в результате этого взаимодействия новых версий мироинтерпретации.

В ситуациях описанной нестабильности возникновение новых версий организации культурной среды может происходить с предельно высокой скоростью (шквальный рост популярности Ф. Ассизского, «триумфальное шествие» советской власти и т.п.). Эта ситуация может быть описана в синергетической терминологии как протекающая в режиме blow up («с обострением»), что предполагает радикальные трансформации среды в момент времени, близкий к точечному. В этом случае флуктуация на микроуровне (т. е. на уровне индивидуального сознания) может оказаться решающей для конституирования новой макроструктуры в культурной среде. И, если это произойдет в узловой точке, могущей выполнить функцию узла центрации, она положит (подобно платоновскому видению любви и красоты) начало новой макроорганизации культурного целого.

Взаимодействие культурных традиций с точки зрения механизма его реализации может быть рассмотрено как осуществляющееся поэтапно:

1. Первая фаза предполагает децентрацию культурной среды, разрушение прежней ортодоксии посредством снятия с нее ореола единственности, — культурная среда обретает характер аксиологически изотропной и предельно хаотизированной на микроуровне (индивидуальное сознание и

сознание повседневности) — как в смысле отсутствия наличной упорядоченности, так и в смысле потенциальной креативности.

2. Вторая фаза представляет собой фазу генерации плюральных версий нового семантико-аксиологического центра культуры (хотя эксплицитно эта цель может быть не выражена, а соответствующие модели — рефлексивно осмысливаться в качестве оппозиции прежнему центру или маргинальных интерпретационных систем). В данный период приоритетным для культурной среды становится не столько стремление к гомеостазису и семантической гомогенности, сколько интенция к разнообразию. Семантико-аксиологический плюрализм, порожденный взаимодействием нескольких культурных традиций, оборачивается квази-плюрализмом попыток его преодоления. На этой фазе культурная среда максимально чувствительна к микрофлуктуациям, и флуктуации даже на уровне индивидуального сознания могут (в силу авто-каталитических эффектов) приводить к макроскопическим — в масштабе культурного целого — последствиям, в силу чего эволюционные перспективы такой культурной среды абстрактно могут быть оценены как бесконечно плюральные и конкретно локализируются в рамках определенного вероятностного поля, очерчивающего границы возможного будущего данной культуры. Специфика превращения этих возможностей в действительность зависит не только от исходного содержания взаимодействующих традиций, но и от случайных факторов, которые в равновесных условиях были бы нивелированы по закону больших чисел, и от внешних влияний, которые при равновесном состоянии культурной среды выступали бы в качестве индифферентных. Например, наличие арабизированной испанской культуры за Пиренеями в течение нескольких веков (IX—XI) не оказывало значимого воздействия на эволюцию автохтонной христианской традиции в южной Франции, в то время как дестабилизация культурной среды в Провансе в XI в. делает фактор мусульманского соседства семантически значимым для оформления куртуазной традиции;

3. Третья фаза есть фаза центрации, т. е. конституирования нового семантико-аксиологического центра культуры (новой ортодоксии) и оформления (посредством жестко избирательной легитимации определенных интерпретационных матриц) новой иерархии культурных смыслов. Каждая из плюральных культурных программ обретает конкретный статус: санкционированные программы (центр), нейтрально легитимные программы, аксиологическую периферию и оппозицию. Структурированная таким образом культурная среда утрачивает неравновесный характер и обретает статус равновесной культурной системы. Формы макроорганизации культурной среды в данной фазе различны: среди них могут быть обнаружены аналоги и устойчивой дифференциации культурного пространства (жесткое выделение центра при непримиримой позиции в отношении инкомомислия), и своего рода «культурного маятника» (последовательных колебаний между двумя и более центрами — схоластики и мистики в христианской истории средневековья или тори и виги в парламентской истории Великобритании).

Ни в одной из обозначенных ситуаций невозможно линейно-однозначное прогнозирование эволюционных перспектив неравновесной культурной среды, ибо динамика последней носит принципиально статистический характер. Это обстоятельство, однако, свидетельствует не о слабости исследовательской программы, примененной в том или ином конкретном случае, а, напротив, о ее комплексном характере, позволяющем учитывать флуктуационный механизм исследуемого процесса и статистический характер реализуемых в нем закономерностей. Подобная установка предполагает гипотетическое моделирование тех возможных вариантов культурной организации, которые могут возобладать при новом макроструктурировании неравновесной культурной среды. Нелинейный подход позволяет фиксировать ареал возможных путей эволюции, которые в перспективе могут иметь место в динамике исследуемой культурной среды, т. е. вероятностного семантического поля ее развития (оставляя вопрос о механизмах перехода этих возможностей в действительность на долю последующего ретроспективного анализа).

В качестве принципиально возможных гипотетических вариантов эволюционных путей культурной системы могут быть рассмотрены:

- программы, являющиеся зеркальной альтернативой, утратившей свой статус ортодоксии: либертинаж в противовес ригористической морали; феномен хиппи как эпатажная альтернатива «культуре отцов» и т.п.;

- экстремальные с точки зрения аксиологического ригоризма программы: например, аскетический экстремизм катаров в средневековой культуре, с одной стороны, и культивация скабрёзности в фаблио и шванках — с другой; славянофильство и западничество в интерпретации евразийского характера русской культуры и др.;
- реактуализация некогда имевших место культурных программ (своего рода «малые ренессансы»), например, Овидианское возрождение, культивировавшее эротическую поэзию в средневековой литературе;
- программы, являющие собой результат семантической трансформации фрагментов прежней ортодоксии в контексте новых аксиологических тенденций: христианское переосмысление языческих сюжетов (привнесение пасхальной семантики в мифо-архаическую символику яйца; трансформация в рождественское дерево майского шеста как фаллического символа космогонического соединения неба и земли; модификация языческих божеств в демонические фигуры: мифологема змеи, образы Марены, Хольды, и т.п.);
- причудливые синкрисы различных и нередко разнородных культурных традиций: например, молитвенная традиция бенгинок как соединяющая в себе традиционные мистические практики и приемы сексуального возбуждения («нагие молитвы»); рыцарская культура, синтезирующая презумпцию христианского фатализма и культ «счастливой авантюры» и т. п.;
- продукты своего рода аннигиляции альтернативных культурных программ, встреча которых в едином культурном пространстве приводит к вытеснению соответствующего предметного поля из фокуса аксиологической значимости: отторжение любых нравственных ориентиров массовым сознанием Ренессанса в условиях резкого противостояния христианской и светской морали, исчезновение пейзажной лирики из литературы арабизированной Испании, где встретились традиции западного природопользования и восточного вписывания в природу, и т.п.

Данный список может быть продолжен, и, как правило, в реальной исторической ситуации объективируются параллельно несколько из приведенных возможностей. Неравновесная культурная среда генерирует целый веер возможных путей своей макроорганизации, а на нормативном уровне происходит аксиологическая селекция актуализировавшихся программ, то есть санкционирование и легитимация одних (центрирующихся вокруг будущей ортодоксии) и дискредитация и элиминация других.

Таким образом, свойство креативности может быть зафиксировано как атрибутивный параметр нестабильной культурной среды: если для цивилизационной истории эпоха нестабильности — это смутные времена, то для истории культуры период нестабильности — это ее звездный час.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи в 3-х томах. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 129-133.
2. Self-Organization. Portrait of a Scientific Revolution / Ed. by Krohn W., Kuppers G., Novotny H. Dordrecht, 1990.
3. Prigogine, I. Chaos, the New Science // Ed by Holt J. Lanham 1993.

Mozheiko M. A.

CREATIVE CULTURE AND CULTURE AS CREATIVITY: CREATIVE POTENTIAL OF CROSS-CULTURAL INTERACTION

Creativity may be viewed as an attributive feature of an unstable cultural environment: for the history of culture the period of instability is its hour of triumph, while for the history of civilizations it a vague time.